

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.В. Петровский

**Апостольские литургии
восточной церкви**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 7. С. 63-68.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Апостольскія литургіи Восточной Церкви.

(Рѣчь, произнесенная предъ защитой магистерской диссертации подъ заглавіемъ: „Апостольскія литургіи восточной церкви“).

Преосвященнѣйшіе Архипастыри

и Милостивые Государи!

Пользуясь предоставленнымъ мнѣ правомъ слова, осмѣливаюсь остановить ваше просвѣщенное вниманіе на нѣкоторыхъ пунктахъ своего труда. Въ ряду литургическихъ памятниковъ восточной церкви довольно видное и почетное мѣсто занимаютъ литургіи съ именами ап. Іакова, Фаддея, Марія и ев. Марка. Ихъ значеніе признаютъ представители и богословской науки вообще и литургики въ частности. Первымъ онѣ даютъ право настаивать на апостольской древности нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія (напр., молитвъ за усопшихъ), вторые находятъ въ нихъ прямое и ясное указаніе на составъ евхаристіи апостольскаго вѣка. Въ глазахъ тѣхъ и другихъ еще не утратили силы слова кардинала Сирлета въ письмѣ къ одному канонику: «посылаемъ тебѣ литургію, которую александрійская церковь получила по преданію отъ блаженнаго Марка». Разсужденія на эту тему встрѣчаются почти въ каждомъ литургическомъ изслѣдованіи и въ большинствѣ случаевъ сводятся къ тому, что положеніе объ апостольскомъ авторитетѣ разсматриваемыхъ литургій возводится на степень непререкаемой истины. Ихъ относительная несправедливость заключается въ стремленіи къ чрезмѣрному расширенію принадлежащаго тому или другому апо-

столу, а безусловная правда въ признаніи апостольской основы и въ предугадываніи свойственнаго этимъ документамъ значенія. Но если оно усвоится только однѣмъ апостольскимъ частямъ, то это ничто иное, какъ простая ошибка и недосмотръ. Въ нихъ одинаково важно все содержаніе: и то, которое можетъ быть возводимо къ апостоламъ, и то, которое носить слѣды позднѣйшаго происхожденія. Изученіе перваго предрѣшаетъ вопросъ объ общемъ ходѣ историческаго развитія литургіи вообще, изслѣдованіе втораго проливаетъ свѣтъ на его подробности. И дѣйствительно, разъ апостольскія литургіи имѣютъ хотя малѣйшее право на такое названіе, то становится неизбѣжнымъ опредѣленіе ихъ апостольскаго содержанія. Такое же или иное представленіе о немъ неизбѣжно отражается на пониманіи всего дальнѣйшаго развитія литургіи. Въ зависимости отъ того или другаго взгляда на литургическую дѣятельность апостоловъ оно можетъ быть сведено или къ простому повторенію однихъ и тѣхъ же элементовъ, или же къ разнообразному измѣненію первоначальнаго литургическаго состава. Первый видъ исторія развитія литургіи принимаетъ въ томъ случаѣ, когда апостольскими будемъ считать такія части, какъ чтеніе Св. Писанія, поученіе, молитвы вѣрныхъ, актъ евхаристіи и приобщенія съ относящимися сюда дѣйствіями и молитвами, второй—когда составъ апостольской (литургіи) ограничимъ одними молитвами евхаристіи. При такомъ положеніи дѣла вопросъ объ апостольскихъ литургіяхъ утрачиваетъ свой узкій, спеціальнѣйшій характеръ и становится вопросомъ о развитіи восточной литургіи вообще; уясненіе ихъ апостольскаго содержанія указываетъ, въ какомъ изъ двухъ вышеотмѣченныхъ направленій шло развитіе этой послѣдней. Но этимъ не ограничивается значеніе рассматриваемыхъ памятниковъ. Опредѣленіе апостольской основы можетъ привести къ тому заключенію, что историческое развитіе литургіи выразилось въ разнообразныхъ измѣненіяхъ ея апостольской формы. Но такъ такъ оно не въ состояніи уяснить его подробностей, то самъ собою и возникаетъ вопросъ о той послѣдовательности, съ которой шло это развитіе, совершалась замѣна однихъ литургическихъ элементовъ другими. Одинъ изъ возможныхъ отвѣтовъ на него и даетъ изученіе другой стороны содержанія апостольскихъ литургій, тѣхъ ихъ частей, которыя несутъ слѣды послѣ-апостольскаго происхожденія. Обязанные своимъ появ-

леніемъ разнообразному измѣненію общецерковной дисциплины, подѣ влияніемъ которой слагались литургіи, эти отдѣлы являются прямымъ показателемъ ихъ постепеннаго роста, а потому группировка и распредѣленіе ихъ по времени происхожденія и составляетъ то, что называется изученіемъ исторіи послѣапостольскаго развитія литургіи. Въ дѣлѣ ея изслѣдованія апостольскія литургіи представляютъ ту особенную важность, что сохраняютъ не мало такихъ подробностей, которыхъ уже не знаютъ другіе литургическіе памятники. Въ такихъ, напр., отдѣлахъ, какъ молитвы входа предѣ началомъ службы и актъ пріобщенія, онѣ составляютъ переходную ступень отъ древней практики къ новой, почти современной. По этимъ и другимъ особенностямъ апостольскія литургіи являются единственными въ своемъ родѣ памятниками. Ихъ изученіе придаетъ исторіи литургіи необходимую полноту и цѣлостность, восполняетъ тотъ пробѣлъ, который не въ состояніи заполнить показанія другихъ литургическихъ документовъ. Одни изъ нихъ воспроизводятъ практику слишкомъ ранняго времени, другіе слишкомъ поздняго; практика промежуточнаго періода отразилась въ апостольскихъ литургіяхъ. Таково въ общихъ чертахъ значеніе изслѣдованія той и другой стороны ихъ содержанія.

Само собою понятно, что подобная важность вопроса объ апостольскихъ литургіяхъ вызываетъ нужду въ тщательномъ его изученіи. Она усиливается отчасти и тѣмъ, что въ современной литургической литературѣ оно стоитъ на слишкомъ незначительной высотѣ. Не представляя прочныхъ данныхъ въ защиту того или другого взгляда на ихъ апостольскую основу, она не можетъ похвалиться и убѣдительностью своихъ положеній о времени происхожденія ихъ послѣапостольскаго состава. Большая часть сужденій объ апостольскомъ содержаніи разсматриваемыхъ литургій основана на простомъ довѣрїи къ ихъ надписаніямъ, а оно создаетъ одну лишь неопредѣленность и сбивчивость. Прямымъ и естественнымъ его слѣдствіемъ является смѣшеніе двухъ частей содержанія: не принадлежащее апостоламъ считается ихъ произведеніемъ. Въ зависимости же отъ этого вносится путаница и въ исторію дальнѣйшаго развитія литургіи: то, что составляетъ характерную особенность литургіи второго столѣтія, выдается въ этомъ случаѣ за принадлежность ея состава отъ перваго вѣка. Подобная сбивчивость была бы еще не особенно ве-

лика, не вносила бы въ пониманіе исторіи литургіи дальнѣйшихъ вѣковъ, если бы не усиливающей ее неправильный взглядъ на время окончательнаго образованія апостольскихъ литургій. По мнѣнію большинства ученыхъ, начиная съ виновника этого взгляда—извѣстнаго Ренодота, двѣ изъ нихъ—Іакова и Марка—составлены предъ Халкидонскимъ соборомъ, 451 г., а третья—Θаддея и Марія—предъ Ефескимъ 431 г., Послѣдовательно проводя это возрѣніе, мы придемъ къ тому невѣроятному заключенію, что къ началу V вѣка восточныя литургіи знали уже такія части, какъ великій входъ съ его символическимъ значеніемъ, молитвы проскомидіи и входа предъ началомъ службы и были настолько кратки въ молитвахъ евхарастіи, что, вопреки церковному преданію, Василию Великому не представлялось нужды въ ихъ сокращеніи. Измѣненію установившихся въ литературѣ взглядовъ не помогли и вновь открытые литургическіе памятники. Они или оставлены безъ разясненія, или своеобразно перетолкованы, представлены въ свѣтѣ господствующихъ возрѣній. Послѣднія пріобрѣли въ нихъ новое подтвержденіе и чрезъ то получили видъ научно обоснованныхъ истинъ. Въ виду этого вопросъ объ апостольскихъ литургіяхъ и нуждается въ новомъ, болѣе тщательномъ изученіи. Оно должно уяснить, какія части ихъ содержанія могутъ быть возводимы къ апостоламъ, и въ какомъ порядкѣ шло развитіе и образованіе остальнаго состава.

И что касается перваго вопроса, то онъ можетъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что содержаніе апостольской евхаристіи ограничивалось одними молитвами евхаристіи. Гомилетическія собранія вѣка апостольскаго стояли отдѣльно отъ евхаристическихъ, а потому она еще и не знала гомилетическихъ элементовъ. Право на подобный выводъ выдаютъ, съ одной стороны, составныя части момента установленія, свидѣтельства ап. Павла и кн. Дѣяній Апостольскихъ, а съ другой древнѣйшіе литургическіе памятники въ родѣ «*Λιδαχῆ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*». Слѣды такого порядка замѣтны даже и въ литургіи VIII кн. Апостольскихъ Постановленій. Сообразно съ подобнымъ взглядомъ на апостольскую основу литургій исторія ихъ дальнѣйшаго развитія можетъ быть представляема только въ видѣ разнообразнаго ея измѣненія. Изученіе освѣщающихъ этотъ процессъ памятниковъ и въ томъ числѣ апостольскихъ литургій приводитъ къ тому заключенію, что

исторія послѣ апостольскаго развитія литургіи до VIII столѣтія можетъ быть раздѣлена на три періода. Первый обнимаетъ II вѣкъ христіанства и характеризуется присоединеніемъ къ первоначальному составу литургіи гомилетической части, т. е. чтенія Св. Писанія, поученія и общей молитвы вѣрныхъ. Первые слѣды этого новаго направленія въ литургической практикѣ представляютъ сочиненія Іустина Философа. Несмотря однако на расширение состава, литургія представляетъ при немъ одно неразрывное цѣлое съ центральнымъ пунктомъ—совершеніемъ евхаристіи. Ближайшею причиною этого является отсутствіе въ ней молитвъ за оглашенныхъ. Катехуменатъ времени Іустина Мученика носить частный характеръ; литургія посѣщается при немъ одними вѣрующими и не знаетъ молитвъ за оглашенныхъ. Внесеніе ихъ въ составъ литургіи принадлежитъ болѣе позднему времени и составляетъ отличительную черту второго періода въ исторіи ея послѣапостольскаго развитія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого является не только обогащеніе литургіи новымъ содержаніемъ, но и раздѣленіе ея на двѣ до сихъ поръ неизвѣстныя части: литургію оглашенныхъ и вѣрныхъ. Подобный видъ литургіи сохраняетъ въ теченіе III, IV и даже V в. На то же самое время падаетъ возникновеніе болѣе частныхъ подробностей, изъ которыхъ можно указать на вызванныя обычаемъ приношеній за живыхъ и усопшихъ ходатайствованныя молитвы. Приблизительно съ конца V в. развитіе литургіи принимаетъ новое направленіе. Его отличительная черта заключается въ томъ, что внесеніе новыхъ элементовъ идетъ параллельно съ опущеніемъ прежнихъ, отжившихъ свой вѣкъ. Элементами послѣдняго рода оказались молитвы за оглашенныхъ и чтенія отдѣловъ изъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, рассчитанныя, какъ можно думать на основаніи Апостольскихъ Постановленій и Оригена, главнымъ образомъ на оглашенныхъ. Существованіе тѣхъ и другихъ было вызвано практикою оглашенія, а потому онѣ и оказались излишними, какъ скоро она прекратила существованіе. вмѣсто нихъ въ литургіи появляется новая часть—молитвы входа, занявшія мѣсто предъ чтеніемъ Писанія. Онѣ сопоставляются примѣнительно къ состоянію вѣрующихъ, связь съ евхаристіею чувствуется въ каждомъ ихъ словѣ, а въ зависимости отъ этого литургія принимаетъ прежній свой видъ, видъ одного неразрывнаго цѣлага. Этотъ моментъ послѣапостольскаго развитія литургіи, отмѣ-

ченный писателемъ VI в. Максимомъ Исповѣдникомъ, и воспроизводить разсматриваемыя нами апостольскія литургіи. Такое впечатлѣніе производитъ одна часть ихъ редакцій. Другая даетъ понять, что ихъ развитіе пошло нѣсколько далѣе. Молитвы входа оказались въ послѣдствіи такимъ же неустойчивымъ элементомъ, какъ и молитва за оглашенныхъ. Онѣ составили лишь переходную ступень къ молитвамъ проскомидіи, обычной литургической части, начиная съ VIII столѣтія. Съ послѣдними мы и встрѣчаемся въ литургіи св. Марка по Ватиканскому списку и въ литургіи ап. Іакова по Парижскому MS № 476. По времени своего появленія онѣ представляютъ самый позднѣйшій изъ ихъ основныхъ элементовъ. Дальнѣйшимъ вѣкамъ принадлежатъ лишь нѣкоторыя частности и подробности.

Къ такимъ выводамъ привело насъ изученіе апостольскихъ литургій. Какъ видно изъ представленнаго нами краткаго очерка ихъ развитія, онѣ пережили и моментъ осложненія первоначальнаго состава литургіи гомилетической частью, и моментъ внесенія и исключенія молитвъ за оглашенныхъ. При этомъ однѣ части ихъ содержанія (весь первый отдѣлъ до великаго входа) составлены совершенно вновь, другія (великій входъ и чинъ пріобщенія), хотя и носятъ, повидимому, тотъ же характеръ, но въ существѣ дѣла оказываются простой замѣной прежнихъ отжившихъ свое время литургическихъ формъ, а третьи (евхаристическія молитвы) представляютъ слѣды одной формальной переработки изначальнаго литургическаго содержанія. Въ наиболѣе нетронутомъ видѣ сохранились ектеніи и прошенія ходатайственной евхаристической молитвы. Но эти остатки древности теряются въ массѣ остальнаго позднѣйшаго содержанія.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность высокоуважаемымъ профессорамъ: Николаю Васильевичу Покровскому, руководившему во все время работы, и Тимоѣею Васильевичу Барсову, сообразно замѣчаніямъ котораго исправлялось сочиненіе при печати.

А. Петровскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки